

Благотворительный
Фонд
**Российский
Еврейский
Конгресс**

ЛЕВАДА-ЦЕНТР
Аналитический центр Юрия Левады

При поддержке

ПАРАМЕТРЫ КСЕНОФОБИИ, РАСИЗМА И АНТИСЕМИТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕННОМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРОМ
ПО ЗАКАЗУ РЕК СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ, АВГУСТ 2018 Г.***

МОСКВА
2018

* Подготовлен Л. Гудковым и К. Пипия при участии Н. Зоркой и Е. Кочергиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Цели исследовательского проекта	3
1.1 Определение ксенофобии	4
2. Общие параметры ксенофобии, антисемитизма и расизма	8
2.1 Социальная дистанция	8
3.1 Представления о социальном и национальном неравенстве	14
4.1 Оправдание этнического неравноправия	18
5.1 Антисемитская составляющая русского национализма	20
6.1 Поддержка ксенофобских лозунгов	25
7.1 «В чужой монастырь со своим уставом не ходят»	32
8.1 Бытовая ксенофобия	36
9.1 Влияние источников информации на уровень ксенофобии	41
10.1 Доверие	43
11.1 Типология массовых ксенофобских установок	45
2. Выводы и заключения	48
3. Рекомендации для практической политики	50
Литература	52

1. ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

1. выявить и описать параметры ксенофобии в разных социальных группах населения;
2. описать структуру и типологию разных форм ксенофобии, выявить различия в интенсивности выражения (перехода латентной агрессии в открытую форму – погромов, нападений, вандализма) и степени потенциальной угрозы для общества: от антисемитизма до мигрантофобии;
3. определить в общем виде степень влияния различных информационных источников на параметры распространения ксенофобии и ее отдельных типов, потенциал активации латентной агрессии;
4. описать механизмы и каналы воспроизводства ксенофобии и расизма в обществе и возможной мобилизации;
5. на основе полученных данных разработать предложения и рекомендации по противодействию и контролю антисемитизма, расизма и ксенофобии.

Реализация этого проекта предполагала включение 25 вопросов в ежемесячный опрос по общенациональной выборке. Опрос был проведен 23–30 августа 2018 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 136 населенных пунктах, 52 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов (если не указано иное) приводится в процентах от общего числа опрошенных. Полученные данные дополнены результатами и выводами из аналогичных исследований Левада-центра, проводимых с 1990 года, прежде всего – материалами июльского опроса 2018 года.

В настоящем Отчете акцент сделан на анализ ксенофобских установок и их изменений в России; меньшее внимание уделено потенциалу и угрозе, вызванных антисемитизмом, поскольку сравнительно недавно (в 2016 г.) Левада-центром были проведено большое исследование населения России по этой проблеме, а в 2018 году отдельно - опрос евреев России по этой же теме (количественный опрос и серия фокус групп)¹, посвященных среди прочего динамике ксенофобских и антисемитских настроений в обществе и форм их выражения, а также оценкам потенциальных угроз российскими евреями.

¹ Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России. Аналитический отчет об исследовании, проведенном Левада-центром для РЕК. М., 2016.

1.1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ КСЕНОФОБИИ

Ксенофобию в общем виде можно определить как проявление негативных установок по отношению к представителям различных этнонациональных или этноконфессиональных общностей (народов) или стран, а также – к социальным группам, воспринимаемых как «чужие» в местном или «большом» сообществе.

В отличие от «национализма», под которым чаще всего понимается род более артикулируемых, оформленных в виде тех или иных общественно-политических идеологий, манифестаций, систематически представленных доктрин, содержащих обоснование единства происхождения, судьбы и коллективных интересов этнической или политической, гражданской социальной общности, соответствующих практик их защиты и реализации, ксенофобия выражается главным образом в виде диффузных, нечетких и слабо обоснованных негативных реакциях членов этнической группы на внешние текущие события, прежде всего – на необходимость взаимодействия с любыми «другими». Устойчивость (повторяющийся характер) этих реакций позволяет говорить о том, что подобные проявления неслучайны, что они результат навязываемых в группе представлений, усваиваемых в процессе групповой социализации, воспроизводимой при смене поколений общностью «культуры повседневности», в которой негативные установки по отношению к разнообразным «не - членам» той группы или общности, к которой принадлежит сам носитель ксенофобии, играют важную социальную роль – поддержания базовых представлений о «своих» и «чужих», защиты своих, утверждения достоинств группы или снятия, компенсации комплексов неполноценности, возникающих при сравнении «своих» и «других» (достатка, образа жизни, престижности и проч.).

«Национализм» ангажированных или элитных групп содержит апелляцию к «интересам» «этнического большинства», «коренного», «титulyного» или «государство образующего народа», «национального целого», что всегда предполагает определенную структуру коллективной идентичности (мифы о «единстве происхождения» и «общности судьбы», проекции жизни общности в будущем). Ксенофобия же выражается прежде всего как требования «эксклюзивности» – как стремления к ограничению прав «иногородцев» или «приезжих», лишения этнических групп допуска к социальным ресурсам, социальным позициям, благам, правам, преимуществам, которыми обладают (действительно или виртуально) «коренной народ» и подобные фактические практики. Основу ксенофобии составляют архаические механизмы организации социального порядка, поскольку они вытекают из мифов, обычаев, морали закрытых племенных или сословных обществ, из механизмов консолидации и поддержания традиционных образований.

Степень токсичности или агрессивности ксенофобии определяется не столько распространенностью тех или иные предрассудков, сколько реальными возможностями дискриминации тех, кто стигматизируется как «чужие», практиками действительного исключения из общественной,

экономической, политической и т.п. сфер жизни тех, кто объявляется «чужими» или не принадлежащими к основной (или господствующей этнической) группе населения. В этом плане функции ксенофобии сводятся, с одной стороны, к жесткому маркированию границ своей группы или общности, удержания аморфной и слабо рационализируемой групповой идентичности (сознания «Мы»). С другой – ксенофобия это и архаичная форма защиты общей идентичности, групповых представлений, коллективных мифов и ценностей, от размывания, эрозии, вызванной все более частыми контактами и взаимодействиями с другими социальными акторами, воспринимаемыми как «чужие», непонятные, опасные для данной общности или даже «враждебные» ей, несущие угрозу тем или иным аспектам существования или ценностям данной общности. В ситуации сохранения или воспроизводства общества-государства, неразвитости правовой культуры, гражданского общества, социального взаимодействия, основанного на способности воспринимать и работать с социальным многообразием акторов и т.д. – ксенофобские установки играют роль своего рода «социального клея», сплачивающие «общество» на негативной основе и работающие не на социальное развитие и усложнение, а на самоизоляцию и эксклюзию.

В отличие от «национализма», который предполагает более или менее артикулированную, рационализированную или доведенную до концептуально идеологизированной совокупности взглядов, убеждений, верований, ксенофобия – всегда крайне аморфна, принципиально не может быть аргументирована и систематически выражена. Другими словами, опасность ксенофобии резко повышается в тех случаях, если она соединяется с насилием как инструментом реализации ксенофобских установок и требований, все равно идет ли при этом речь о стихийных эксцессах толпы или государственно организованной системе административного управления. В первом случае мы имеем дело с отдельными явлениями агрессии и погромов, во втором – систематической практикой этнической или культурной дискриминации, легитимизируемой соответствующей идеологией национализма, открытого или латентного (как это было в послевоенные годы советской власти).

Русский национализм в настоящем виде представляет собой результат разложения имперской культуры, претендовавшей ранее на этнический универсализм при фактическом неравноправном положении внутренних этнонациональных общностей (разделения народов на союзные республики, автономные республики, автономные края или регионы, этнические группы, лишенные своих государственно-административных форм, а значит – прав, ресурсов, институтов и т.п.). Поэтому сегодня мы фиксируем следы этой институциональной системы в виде устойчивых предпочтений и предрассудков этнического характера, потенциальных конфликтов и напряжений, нерешенных проблем обеспечения равенства прав граждан, независимо от их национальной принадлежности, выражающихся в тех или нерациональных установках. Далеко не всегда значимые для одних групп проблемы взаимодействия с «другими», «чужими», «не такими, как мы», оказываются «интересными», актуальными, «проблемой» для основной массы населения. Об этом мы можем судить по колеблющейся доле ответов «затрудняюсь ответить» на вопросы анкеты.

Помимо своей предметной или содержательной стороны (направленности на те или иные этнические, расовые или культурные «объекты» коллективной неприязни), ксенофобия может и должна характеризоваться интенсивностью своих выражений: от слабых, едва воспринимаемых (латентных, спящих) предрассудков, предпочтений и антипатий, этнических клише (стереотипов и образов «чужих») до выражения прямой агрессии и склонности к изоляции или настоятельных требований от властей проведения политики дискриминации, вплоть до стихийных или спровоцированных беспорядков и погромов.

Ксенофобия выражается в первую очередь как вербальная неприязнь или агрессия в отношении «чужих» (часто подобные негативные вербальные установки называют «hate speech» или «языком ненависти»). Обычно ксенофобские проявления сдерживаются регулируемыми нормами социально допустимого поведения, ограничивающего в развитых странах мира открытое проявление агрессии, нетерпимости к другим, открытой враждебности. То же можно сказать и о России. Здесь выражение открыто расистских, антисемитских или ксенофобских взглядов воспринимается как нежелательный радикализм («фашизм»), грозящий нестабильностью, социальными беспорядками и общей дезорганизацией жизни, что постоянно (начиная с конца 1980-х годов) вызывает явное осуждение со стороны общественного мнения. Именно поэтому ни одна собственно националистическая партия или движение, включая антисемитские, антимигрантские или антикавказские (РНЕ, «Конгресс русских общин», Партия национального возрождения «Народная воля», ДПНМ и т.п.), не получали сколько-нибудь значительной массовой поддержки, несмотря на довольно широко распространенное сочувствие их лозунгам. (Об этом свидетельствует успех тех партий, которые выражают те же самые требования в более «приличной» и умеренной форме, например, рогозинской «Родины» в 2003 году). «Ксенофобия в принципе неустранима, поскольку порождающие ее элементы играют крайне значимую роль в системах начальной этнонациональной и социальной идентификации, а стало быть, в поддержании социального порядка в обществе. Негативизм, враждебность, этническая неприязнь к другим представляют собой необходимое условие образования и воспроизводства массового позитивного представления о собственной общности, набор механизмов коллективного самоопределения, средство конституирования ценностных, в том числе – идеальных, значений “Мы”.

Ксенофобию невозможно уничтожить. Можно лишь до некоторой степени регулировать наиболее деструктивные ее проявления.² Ее социальная опасность заключается не в самом содержании негативных предрассудков и представлений, а в их злоупотреблении и использовании различными общественными силами и государственными институтами – политическими и общественными партиями и движениями, СМИ, мобилизующими массы к активным действиям против «чужих», апеллирующих к полиции и судам, закрепляющими дискриминационное положение «меньшинств» разной природы и типа (подобное использование ксенофобии было заметно, например, в 2013 году на примере «этнических» погромов в московском районе Бирюлево).

² Гудков Л., Б. Дубин. Невозможный национализм: Риторика номенклатуры и ксенофобия масс // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 283. [9]

Более глубокий взгляд на природу ксенофобии приводит к выводу, что она концентрируется на нескольких проблемных точках или узлах воспроизводства социальной структуры или социального порядка данного общества. Установление социальной дистанции в отношении воспроизводства социальной общности (запрет или ограничение, нежелание видеть «чужих», «не своих») проявляется в виде **негативной оценки или установки в отношении:**

- а) брака с «чужими» (этнически или расово чужие);
- б) запрета на доступ в «общину» (проживание на территории общности, нежелание жить рядом или работать вместе с «чужими», общаться с «иногородцами»);
- в) доступа к символическим позициям престижа, авторитета, влияния или господства в социальной структуре – регулирование (контроль, ограничение) приема на работу в органы правопорядка или вооруженных сил (запрет на доступ к структурам монополии на насилие), на работу в системах образования, массовых коммуникаций;
- г) доступа к высшим позициям в социальной иерархии общества - к власти, правительству, руководству, избрания президентом, воплощающему символические значения и ценности всего коллективного целого.

Выражение негативизма в отношении воображаемых чужих (с которыми в повседневной практике абсолютное большинство населения, членов сообщества или группы никогда не имело дела) служит средством для артикуляции собственных достоинств, добродетелей, ценностей или значимых качеств, но в негативной форме, самоутверждения без тесной связи с достижениями. Только отталкиваясь от более или менее выраженного образа «чужого», традиционная и слабо структурированная, недифференцированная социальная среда «этнического большинства» может выразить свои позитивные качества. «Чужой» здесь «нужен» как условие и проекция всего плохого и вытесненного в своих самооценках, от чего группа старается избавиться, приписывая эти свойства воображаемому другому. В этом случае уровень агрессии низкий, поскольку взаимодействие с виртуальным «другим» носит условный характер, лишенный прямого практического значения для повседневной жизни. (Это обстоятельство не отменяет ее значимости для других целей, например, политической эксплуатации властями потенциала ксенофобии в ситуации мобилизации поддержки власти, солидарности «со своими» против «чужих»). К тому же оно указывает на характер формирования собственной идентичности, самопонимания и понимания общества, которым присущи антимодерные черты.

2. ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ КСЕНОФОБИИ, АНТИСЕМИТИЗМА И РАСИЗМА

2.1 СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ

Для данного исследования мы взяли несколько образов «нерусских», людей другой этнонациональной принадлежности в качестве условных диагностических средств, фиксирующих определенный диапазон социальных дистанций – от образа современного европейца (полюс современности, цивилизованности) до представителя традиционной Азии и Кавказа (образы и зоны советской и досоветской колонизации), с одной стороны, и культурно или расово предельно чужих (темнокожие, цыгане), с другой. (табл. 1).

Таблица 1

Как вы относитесь к ...? Август 2018, N = 1600

К...	С симпатией, интересом	Спокойно, без особых чувств	С раздражением, неприязнью,	С недоверием, страхом	Сумма негатива
Евреям	10	80	5	5	10
Англичанам	10	76	9	5	14
Чеченцам	6	65	13	16	29
Цыганам	3	51	21	25	46
Темнокожим	7	74	9	8	17
Узбекам	6	73	12	9	21

Социально-демографические различия между разными социальными группами населения в характере и интенсивности проявления ксенофобских или расовых установок выражены довольно слабо, что говорит о интегративном характере негативистских этнических представлений. Тем не менее, можно отметить как некоторую тенденцию некоторое повышение негативизма и рессентимента у малообразованных, пожилых и бедных респондентов. Резкое увеличение этнических и расовых антипатий фиксируется лишь в Москве по отношению к «культурно чужим» или «культурно иным» - цыганам, чеченцам (здесь действуют и социальные факторы враждебности – концентрация присутствия чеченских – кадыровских – группировок в столице, выделяющихся агрессивной и демонстративной манерой поведения), темнокожим выходцам из африканских стран и приезжим из Средней Азии (узбекам, таджикам, киргизам). Это объясняется тем, что Москва (в меньшей степени – Санкт-Петербург и другие мегаполисы) притягивают к себе мигрантов из разных регионов и стран мира, здесь сформирован рынок труда, это центр финансово-административной активности, поэтому здесь самая высокая доля приезжих, самая высокая интенсивность межэтнических контактов (и конфликтов).

Таблица 2

Относятся негативно (с раздражением, с недоверием, страхом) к...

	Евреям	Англичанам	Чеченцам	Цыганам	Темнокожим	Узбекам
В среднем	10	14	29	46	17	21
Возраст						
18-24	9	7	27	47	15	19
25-39	10	8	31	46	16	23
40-54	12	16	27	46	16	20
55 и старше	9	21	30	45	21	21
Образование						
Высшее	8	13	30	48	17	23
Среднее специальное	9	13	29	46	16	20
Среднее общее	12	17	27	44	18	21
Ниже среднего	12	24	37	40	24	21
Потребительский статус						
Едва хватает на еду	15	17	32	44	21	23
Хватает на еду и одежду	9	15	27	46	16	19
Могут позволить себе ТДП	7	12	30	47	17	24
Тип поселения						
Москва	9	13	52	66	40	30
Большой город	8	12	27	45	14	23
Средний	8	17	29	46	15	23
Малый город	10	14	24	41	13	15
Село	13	16	28	44	19	22

Если исходить из этих замеров, то кажется, на первый взгляд, что масштабы ксенофобии и расизма в России, не так велики, если не считать давних предубеждений против цыган (поддерживаемых негативными сообщениями в СМИ о цыганах как торговцах наркотиками, как о асоциальных элементах и т.п.) и против чеченцев (что не требует особых объяснений: две чеченские войны оставили глубокий след в массовом сознании о чеченцах как сепаратистах, жестоких бандитах, нецивилизованных варварах, сохраняющих архаические нравы и обычаи). Основная масса, большинство населения относится к «иным» по крайней мере «без особых чувств». Однако за этими относительно «спокойными» или нейтральными показателями отношений к другим скрываются вполне определенные негативные установки – отчуждение, безразличие (вплоть до уничижительного отношения, жестокости или «расчеловечивания»), стремление к установлению жестких барьеров по отношению к чужим или даже готовность к изгнанию их из России (см. таб. 2).

Таблица 3

В какой мере вы лично готовы иметь дело? N = 1600

...С евреями?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	2	6
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	3	8
Готов(а) видеть их среди соседей	8	13
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	9	6
Готов(а) видеть их среди жителей России	27	32
Пускал(а) бы их в Россию только временно	17	11
Не пускал(а) бы их в Россию	17	15
Затрудняюсь ответить	16	10
...С китайцами?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	1	5
Готов(а) видеть их среди соседей	5	8
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	5	4
Готов(а) видеть их среди жителей России	13	20
Пускал(а) бы их в Россию только временно	30	27
Не пускал(а) бы их в Россию	32	27
Затрудняюсь ответить	13	9
... "Выходцами из Африки" (темнокожими)?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	1	1
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	1	3
Готов(а) видеть их среди соседей	5	6
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	5	2
Готов(а) видеть их среди жителей России	15	17
Пускал(а) бы их в Россию только временно	29	27
Не пускал(а) бы их в Россию	26	33
Затрудняюсь ответить	18	10
... "Выходцами из Средней Азии" (таджиками, узбеками)?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	1	3
Готов(а) видеть их среди соседей	4	6
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	4	3
Готов(а) видеть их среди жителей России	18	19
Пускал(а) бы их в Россию только временно	29	30
Не пускал(а) бы их в Россию	29	30
Затрудняюсь ответить	13	6

...С украинцами?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	5	6
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	4	6
Готов(а) видеть их среди соседей	10	8
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	6	3
Готов(а) видеть их среди жителей России	31	29
Пускал(а) бы их в Россию только временно	20	20
Не пускал(а) бы их в Россию	13	22
Затрудняюсь ответить	12	7
... С цыганами?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	1	1
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	1	1
Готов(а) видеть их среди соседей	3	5
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	2	1
Готов(а) видеть их среди жителей России	24	23
Пускал(а) бы их в Россию только временно	19	18
Не пускал(а) бы их в Россию	35	43
Затрудняюсь ответить	15	8
... С чеченцами?	август 2010	июль 2018
Готов(а) видеть их среди членов Вашей семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди ваших близких друзей	1	4
Готов(а) видеть их среди соседей	4	7
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	3	2
Готов(а) видеть их среди жителей России	22	31
Пускал(а) бы их в Россию только временно	19	19
Не пускал(а) бы их в Россию	38	27
Затрудняюсь ответить	13	9

По результатам опроса доля (условных) радикальных ксенофобов, которые «не пускали бы» в Россию все семь предложенных этнических категорий, составила 8% от выборки в целом³. Это собственно и указывает на «ядро» потенциально агрессивной ксенофобски и расистски настроенной части населения России.

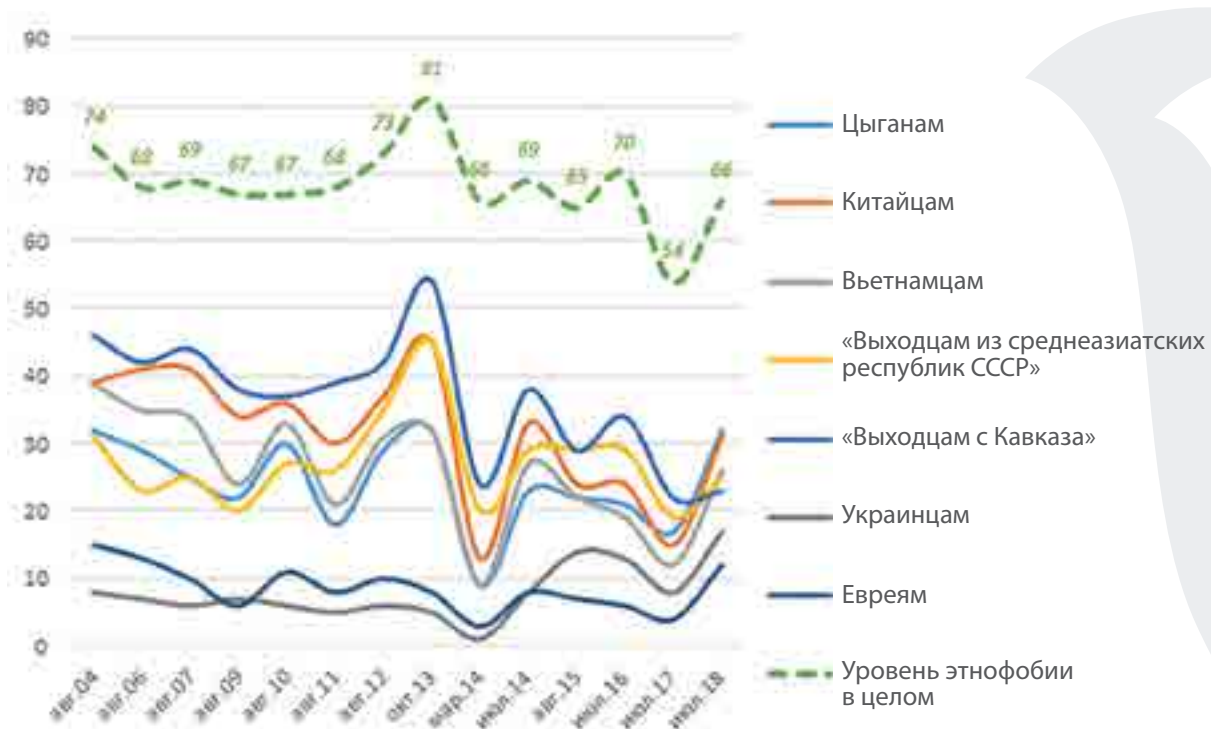
³ Если выделить эту группу и проанализировать её установки отдельно, то можно отметить высокую степень поддержки лозунга «Россия для русских» (из них 60% высказывают одобрение самому радикальному варианту «Поддерживаю, её давно пора осуществить»); полную поддержку ограничения притока трудовых мигрантов (91%); одобрение дискриминационных объявлений о сдаче жилья или о найме на работу по этническому или религиозному признаку, которое демонстрирует каждый второй радикальный ксенофоб. Из них суммарно 30% опрошенных «очень часто» и «довольно часто» чувствуют враждебность к людям других национальностей, что на 19 п.п. выше, чем показатель ощущения враждебности по выборке в целом.

За период в 8 лет (это относительно большой срок для изменений массовых установок, равный половине поколенческого сдвига) степень установки на эксклюзию в отношении евреев и «гастарбайтеров» из Средней Азии практически не изменилась: 15-17% в первом случае и 29-30% во втором (что находится в пределах допустимой стандартной ошибки измерения), снизилась в отношении «чеченцев» (с 38 до 22%), «китайцев» (с 32 до 27%), повысилась или ужесточилась в отношении цыган (с 35 до 43%), темнокожих (с 26 до 33%) и особенно – украинцев (с 13 до 22%). Скачок в последнем случае, несомненно, вызван политическими причинами, главным образом, государственной пропагандой. Именно это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на условия и инструменты активизации ксенофобии и этнического негативизма, данный пример может служить моделью раскручивания этнических кампаний дискриминации и вражды.

Распределение ответов на вопрос, который измеряет крайнюю степень установки на этнический изоляционизм, демонстрирует рост антицыганских настроений. Согласно данным замера в июле 2018 года цыгане возглавили «рейтинг» по нежелательности проживания в РФ среди россиян. Следует обратить внимание, что за последний год произошло перераспределение антипатий: ранее население демонстрировало высокий уровень поддержки изоляционистских установок в отношении «выходцев с Кавказа» и «выходцев из Средней Азии», сейчас – в отношении цыган (32%) и китайцев (31%).

Рисунок 1

Как вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России ... (респонденты могли дать более одного ответа) N = 1600

Цель вопроса на социальную дистанцию сводится к пониманию допустимой границы взаимодействия с «Другим». В исследовании эта дистанция замерялась вопросом с семипозиционной шкалой: от выраженной толерантности, когда человек готов вступить в брак или принять в качестве родственника человека с иной этнической или расовой принадлежностью, до крайней степени неприятия «Другого» – отказа видеть его в своей стране (см. Рисунок 2).

Рисунок 2

Самая сильная социальная дистанция к ...

(доля респондентов в июле 2018 года, поддерживающих позицию «не пускал(а) бы их в Россию, %%») N = 1600

Согласно Рисунок 2, самая жесткая (негативно окрашенная) социальная дистанция у россиян выражена к цыганам: в июле 2018 года 43% опрошенных сказали, что «не пускали бы» их в Россию. На втором и третьем месте поддержка изоляционистских барьеров в отношении «темнокожих» (33%) и «выходцев из Средней Азии» (30%). Каждый четвертый россиянин «не пускал бы» в страну «китайцев» и чеченцев (по 27%), а каждый пятый – украинцев (22%). Минимальный уровень поддержки позиции на запрет проживания в стране – из предложенных для выбора – фиксируется в отношении евреев, которых «не пускали бы» 15% россиян. Ранее Левада-Центр неоднократно отмечал снижение антисемитизма в России за последние годы и рост благожелательного отношения русского населения к евреям⁴.

⁴ Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Кочергина Е.В., Лезина Е. В. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. № 1–2, 2016.

3.1 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ

Подобные представления являются рудиментами традиционной социально-институциональной иерархией положения людей в досоветской и советской России (СССР). Административное членение территорий и органов власти, вытекающее отсюда неравенство прав, наличие всевозможных привилегий (сословных, номенклатурных, ведомственных, региональных, конфессиональных и т.п.) отразилось и в устойчивости взглядов определенной части россиян (примерно четверти населения) на структуру этнонациональных образований и отношений, получающих как бы «историческое» идеологическое оправдание (табл.4 и 5).

Таблица 4

Согласны ли вы с тем, что есть народы, которые сама история поставила выше других народов?

	1992 апрель	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	22	28	27
Не согласен	61	66	64
Затрудняюсь ответить	17	6	9
Число опрошенных	1600	1200	1600

Таблица 5

Согласны ли вы или нет, что было бы лучше, если бы каждый народ жил только на своей территории?

	1997 октябрь	1999 апрель	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	36	39	46	41
Не согласен	38	38	45	54
Мне все равно, эта проблема меня не интересует	21	-	-	-
Затрудняюсь ответить	5	23	9	6
Число опрошенных	1500	2000	1200	1600

За четверть века особых изменений в этом отношении не произошло. Можно отметить лишь слабое влияние «крымского синдрома» - рост на 5-6 п.п. при стандартном допуске колебаний в 3.7 % (Соотношение да/нет составляет 0.36-0.42). Однако, если сформулировать вопрос более четко, направив его на выявление скрывающегося комплекса имперского превосходства (за которым таится комплекс гражданской и социальной неполноценности частного индивида), то мы получим совсем другую картину: претензии на доминирование за тот же период выросли более чем вдвое - с 20 до 46% (табл.6). После распада СССР и отделения союзных республик, ставших с большим или меньшим успехом национальными государствами или диктатурами, опирающимися на эт-

ническое большинство населения («титутельные» или «коренные» народы), в России медленно, но уверенно растет стремление к гомогенизации национального состава и, соответственно, укрепляется претензии на доминирующее положение русских. Под влиянием идеологической политики возрождения «сильной России», возвращения к традиционным ценностям русских, происходит процесс реабилитации и восстановления имперского сознания или этнической иерархии. Ослабляется сознание необходимости формирования «гражданской нации» (коллективной идентичности, основывающейся на общности политических институтов, прав и свобод, соответственно, отодвигающей проблематику равенства прав этнических, религиозных и гражданских объединений и общностей на задний план). Снижается иммунитет по отношению к неприятию любого потенциального, в том числе – этнонационального – неравноправия.

Претензии на доминирующие позиции русских к настоящему времени все же не стали господствующими, они уравниваются более трезвыми, толерантными и политически более рациональными представлениями о гражданском равенстве всех живущих в России. Однако доля последних уменьшилась почти в полтора раза за двадцать шесть лет: с 65 до 44% (табл.6).

Таблица 6

С каким из приведенных ниже суждений вы бы скорее могли согласиться?

	1992 апрель	1999 апрель	2018 август
Русские в России при занятии государственных должностей должны иметь определенные преимущества перед людьми других национальностей	20	31	46
Русские не должны иметь никаких преимуществ перед людьми других национальностей при занятии государственных должностей	65	48	44
Затрудняюсь ответить	15	21	10
Число опрошенных	2100	2000	1600

Реакции «защиты» «своих» (то есть русского большинства) коснулись главным образом требования ограничить доступ к символическим позициям во власти и в гораздо меньшей степени – доступ к социально-репродуктивным институтам. Представление, что верховная власть и силовые структуры (армия, полиция, спецслужбы) должна быть представлена только этнически русскими – репрезентирующим «государствообразующий народ», которым доверяют большинство, разделяли в последние 20 лет больше половины опрошенных: 53-55% (лишь в 2018 году эта цифра снизилась до 48%, с учетом допустимой стандартной погрешности измерения - снижение составило 2-3 процентных пункта). Для силовых структур изменений практически нет – тут волна желания ограничить доступ для «инородцев», заметная в 2000-х и 2010- годах, сегодня откатилась на уровень середины 90-х годов. Иначе говоря, готовность одобрить подобные дискриминационные меры, если власти предпримут такие действия, проявившаяся во второй половине

1990-х годов, остается на высоком уровне и сохраняется практически без изменений.

Другое дело – готовность ограничить допуск абитуриентов по национальным критериям к высшему и среднему образованию: она поднялась с 9% до 18%; поставить барьеры при приеме на работу «нерусских» учителей и преподавателей в средней и высшей школе – с 19 до 33%, ввести селекцию этнических кадров при приеме на работу в средствах массовой информации, коммуникации и пропаганды – с 21 до 28-29%.

Таблица 7

Как вы считаете, следует ли принимать во внимание национальность человека при ...

а) Динамика по годам

	1997 октябрь	2001 январь	2015 сентябрь	2018 август
занятия государственных должностей в правительстве				
Да	53	53	55	47
Нет	40	40	39	48
Затруднились ответить	7	7	6	5
приеме в ВУЗы				
Да	9	11	16	18
Нет	86	86	80	77
Затруднились ответить	5	3	4	5
назначении на руководящие посты в армии, полиции, службе госбезопасности				
Да	43	48	50	45
Нет	50	46	45	50
Затруднились ответить	7	6	5	5
приеме на работу в СМИ (печать, радио, ТВ)				
Да	21	-	29	28
Нет	72	-	65	66
Затруднились ответить	8	-	6	6
подборе учителей и преподавателей в вузы, школы				
Да	19	22	30	33
Нет	75	74	65	62
Затруднились ответить	6	4	5	5
Число опрошенных	1600	1600	1200	1600

б) По национальному составу

	Русские	Народы Северного Кавказа	Народы Поволжья	Другие народы
занятия государственных должностей в правительстве				
Да	51	14	33	31
Нет	44	85	64	59
приеме в ВУЗы				
Да	18	13	20	20
Нет	77	85	77	80
назначении на руководящие посты в армии, полиции, службе госбезопасности				
Да	49	13	24	31
Нет	45	87	73	65
приеме на работу в СМИ (печать, радио, ТВ)				
Да	30	16	21	21
Нет	72	82	73	77
подборе учителей и преподавателей в вузы, школы				
Да	36	10	24	25
Нет	59	89	72	76

Во всех ответах на эти диагностические вопросы русские респондентов оказываются в большей степени склонны к дискриминационным ограничениям, чем этнически «нерусские». В особенности это относится к властным позициям, силовым структурам и системе образования. Расхождения в мнениях групп русских и других национальностей составляют от полутора до трехкратных величин. Дискриминационный эффект ксенофобских установок русских здесь не вызывает сомнений.

Данные социологического опроса свидетельствуют о том, что среди русских (то есть доминантного большинства населения) большинство (51% против 40%) выступает за введение дополнительных преимуществ русским при занятии значимых социальных позиций и предоставления гарантий таковых в принципе. Напротив, представители различных этнических общностей (в основном - мусульмане) решительно высказываются против такой политики: 72% респондентов, принадлежащих к народам Северного Кавказа, 58% – к народам Поволжья (татары, башкиры и другие), 63% – к другим этнонациональным меньшинствам (последние приводятся здесь суммарно, в силу численно малых групп, получаемых при данном размере выборки, различия между которыми статистически незначимы).

Формально это предполагает введение обязательно-принудительной государственно сертифицированной идентификации этнонациональной принадлежности в виде соответствующей записи в паспорте при рождении, далее не подлежащей изменению (5-й пункт в советском паспорте).

За восстановление этой практики выступают 45% русских (но столько же против); среди респондентов других «национальностей» - за паспортизацию высказываются существенно меньшее число опрошенных: 33-37% и гораздо больше настроенных против – 56-59%.

Подобное распределение (которого не было в 90-е годы) означает слабое, но все же последовательно усиливающееся стремление к обеспечению определенных позиций для большинства русского населения, чувствующего свою незащищенность и неуверенность в ближайшем будущем. Характер мнений среди русского большинства указывает, что сама по себе эта проблема не слишком заботит людей (соотношение «за» и «против» соответствующих изменений выражено слабо – 1.3; в сравнении с этим у людей с другой этнической идентификацией оно гораздо более контрастно и выражено – от 0.19 до 0.56).

4.1 ОПРАВДАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО НЕРАВНОПРАВИА

Основания для апологии доминирования русских носят давний и хорошо известный характер: это сочетание фрустрированного распадом империи и великой державы сознания большинства и массовый рессантимент населения, ищущего причины своей бедности и зависимости, коллективной неполноценности во вне, нуждающегося в своем роде «козле отпущения», жертве, на которую можно свалить все неудачи, трудности повседневной жизни. Поэтому здесь так сильно действуют аргументы государственного «патриотизма» и (бескорыстного самопожертвования русских ради государства, в основном декларативного, «структурного», оправдание государственного произвола в советские времена), завистливый комплекс, представления о засилье и власти «нерусских», приведших к разного рода бедствиям России (от революции до навязанных демократами-западниками стране реформ) (табл. 8-12).

Таблица 8

Согласны ли вы, что нерусский человек не может быть подлинным патриотом России

	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	31	27
Не согласен	61	65
Затрудняюсь ответить	8	8
Число опрошенных	1200	1600

Таблица 9

Как вы считаете, национальные меньшинства в России живут в целом лучше или хуже русских? N=1600

	2004	2005	2006	2018
Значительно лучше	17	11	10	8
Несколько лучше	21	20	19	17
Примерно так же	34	44	43	47
Несколько хуже	13	14	12	13
Значительно хуже	4	2	3	2
Затрудняюсь ответить	11	9	13	13
Лучше/хуже	2.2	1.9	1.9	1.7

Таблица 10

Согласны ли вы с тем, что национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране?

	2004	2005	2006	2009	2017	2018
Определенно да	16	15	12	11	11	11
Скорее да	31	31	26	24	22	23
Скорее нет	34	30	32	27	28	39
Определенно нет	11	16	19	20	20	14
Затрудняюсь ответить	8	8	11	18	19	13
Число опрошенных	1600	1900	1600	1600	6000	1600
Да/нет	1.04	1.0	0.75	0.74	0.69	0.64

Таблица 11

Вы согласны или нет со следующим мнением: в сегодняшних бедах России виноваты живущие на ее территории люди не-русской национальности? N=1600

	1999 февраль	2018 август
Да, согласен	7	8
Скорее, согласен	14	16
Скорее, не согласен	27	40
Нет, не согласен	44	27
Затрудняюсь ответить	8	9

Анализируя динамику массовых представлений (таблицы 8-11), можно сказать, что за 15-18 лет заметно уменьшается доля массового этнически окрашенного рессантимента, завистливо настроенных или ущемленных респондентов, и напротив, несколько увеличивается массив тех, кто не склонен к ксенофобским взглядам и позициям (отрицает привычные дискриминационные стереотипы). Идет явное снижение мнений, что «нерусские» живут «лучше» (с 38 до 25%, при том, что мнения «нерусские живут хуже русских» остаются практически на том же уровне - 17-15%). Уменьшается доля мнений о «слишком большой власти», которую имеют национальные «меньшинства» (с 47 до 34%). Сохраняется представление о том, что социальные различия (как основа массовой зависти и переноса собственных комплексов и фрустраций на других) не определяются принадлежностью к тем или иным этническим группам. Эти сдвиги можно рассматривать как эрозию социальных оснований ксенофобии. Кроме того, добавим, что в целом категоричность всех ксенофобских мнения несколько стерлась.

Тем не менее, свыше 20% опрошенных по-прежнему готовы винить «инородцев» в том, что они причина неудовлетворительного положения дел в России, «сегодняшних бедах» страны, перенося ответственность с собственной общественно-политической пассивности и сознание своей беспомощности на воображаемых врагов или чужих, предателей и т.п. Это компонент массового сознания чрезвычайно важен для понимания авторитарных тенденций в российском обществе и основе потенциального агрессивного антисемитизма и ксенофобии.

5.1 АНТИСЕМИТСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В сравнении с отношением к другим этническим группам, общественное мнение в России о евреях сохраняет известную благосклонность и отсутствие агрессии и неприязни. Это можно отметить на выражении минимальной готовности к установлению социальной дистанции и другим рестрикционным мерам и действиям (табл.1, рис.2). Но это же можно сказать и об идеологической составляющей антисемитизма, базовом компоненте русского конспирологического национализма (если брать плоскость антиеврейских взглядов), а именно: тезисе о существовании мирового еврейского заговора. Последние четверть века (после выхода на поверхность в период перестройки и ослабления цензуры наиболее темных черносотенных предрассудков русского национализма) знают об этом мифе примерно треть населения, лишь последний замер этого года показал заметное сокращение информированности об этой идеологеме. Пока трудно сказать, с чем мы в данном случае имеем дело: со случайной флуктуацией замеров или с обозначившейся тенденцией вытеснения этого тезиса из массового сознания по причинам ухода его из информационного поля.

Таблица 12

Иногда можно услышать о том, что существует «мировой сионистский заговор», направленный на установление господства евреев над другими народами. Вы слышали или не слышали о таком заговоре?

	1990 декабрь	1992 апрель	1997 октябрь	1999 сентябрь	2015 сентябрь	2018 август
Да, слышал	32	33	32	34	34	25
Нет, впервые слышу	68	67	68	66	66	75
Число опрошенных	1700	1570	1500	1200	1600	1600

Из тех, кто слышал о заговоре, обычно лишь 3-4% фанатично верят в его существование, еще 11-13% допускают высокую вероятность такого заговора (но не имеют достаточных аргументов для обоснования своей веры). Именно они оказываются готовой почвой для подхватывания подобных идей и агрессии. Остальные принимают этот тезис без каких-либо рассуждений или критических соображений. Примечательно, что, хотя в столицах (например, в Москве) информированность о таком мифе распространена значительно шире, чем в провинции – в средних и малых городах, в селе. Вера в реальность такого заговора существенно ниже: соотношение «знающих» и «верящих» в Москве составляет 0.4 (19% и 44%), в крупных городах – 0.6, в средних – 0.8, в малых – 0.9, в селе 1.2 (то есть в последнем случае преобладает уверенность в заговоре, хотя слышали о нем здесь вдвое меньше, чем в Москве – 21% и 44%). Социально-демографический анализ распределения мнений о существовании заговора указывает на социальную среду, в которой сохраняется и воспроизводится этот миф (табл.14 б): это наиболее фрустрированные в социальном плане группы мужчин среднего и старшего возраста, со средним уровнем образования, невысокими или низкими доходами, занимающих неустойчивое социальное положение (нижние слои среднего слоя), живущие чаще в небольших городах.

Таблица 13

Как вы считаете, существует ли такой заговор на самом деле?

а) Динамика мнений

	1990 декабрь	1992 апрель	1997 октябрь	1999 сентябрь	2018 август
Да, существует	7	11	13	16	17
Нет, не существует	24	29	38	40	56
Затруднились ответить	69	60	49	44	27
Число опрошенных	1700	1600	1500	1200	1600

б) Распределение полученных ответов в зависимости от социально-демографических характеристик опрошенных (2018)

	Существует	Не существует	Затруднились ответить	Да/нет
Мужчины	20	57	23	0.35
Женщины	15	56	29	0.27
Возраст				
18-24 года	9	68	23	0.13
25-39 лет	17	59	24	0.29
40-54 года	22	56	22	0.39
55 лет и старше	16	51	33	0.31
Образование				
Высшее	16	61	23	0.26
Среднее специальное	19	54	27	0.35
Среднее	16	57	27	0.28
Неполное среднее и ниже	17	42	41	0.4
Потребительский статус				
Бедные	18	50	32	0.36
Нуждающиеся	18	55	27	0.33
С умеренным достатком	15	63	22	0.24
Тип поселения				
Москва	19	70	11	0.27
Большой город (свыше 500 тыс. жителей)	17	60	23	0.28
Средний город (от 100 до 500 тысяч)	18	51	31	0.35
Малый город (до 100 тысяч)	15	60	25	0.25
Село	18	49	34	0.37

Примечательно, что выросшая к концу 1990-х гг. убежденность в существовании «сионистского заговора» распространена намного меньше, чем вера в существование некоего (не еврейского) «мирового заговора против России». Такие представления еще в сентябре 2004 года разделяли 45% опрошенных, не верили – лишь 39% и 16% затруднялись ответить, позднее такие вопросы не повторялись Левада-центром.

Вместе с тем, подчеркнем один крайне важный момент: ослабление **иммунитета** против угрозы формирования наиболее опасных с общественной точки зрения организованных движений радикальных националистов. Они впервые обнаружили в публичном пространстве в годы перестройки, когда снятие цензуры и легализация самых разных общественно-политических сил произвела впечатление полной свободы для всех, в том числе и для русских нацистов. Появление радикальных изданий (мелких, но откровенно агрессивных) вызвало шок и осознание угрозы. Оно было осознано как опасность русского фашизма и стало причиной консолидации демократических сил, понимающих необходимость борьбы с этими явлениями. При этом под русским фашизмом часто понимались самые разные проявления – от скинхедов и агрессивных молодежных группировок контркультурного характера, демонстрирующих свой нонконформизм путем ношения нацистской символики до выступлений уважаемых политиков и деятелей, принадлежащих к «Союзу русских писателей». Сегодня похоже иммунитет и сознание опасности такого рода явлений заметно ослабли.

Причины этого лежат в общем стремлении большинства обеспечить приоритеты и преимущества русских, закрепить их в виде ряда социальных привилегий и гарантий при доступе к социальным позициям и распределению социальных благ и ресурсов, с одной стороны, а с другой – отчетливо выраженной тенденции к укреплению русского национализма, поддержанного всей внутренней и внешней политикой государства – «возрождением России как великой державы», возвращению к традиционным ценностям, корням, пропаганде милитаризма и имперского величия, ставших особенно заметными после подавления оппозиционных выступлений в 2011-2013 годов, «крымской патриотической мобилизации». Во всяком случае, широко распространенные опасения перед появлением русского фашизма, фиксируемые социологическими средствами еще в середине 2000-х годов, к настоящему времени заметно ослабли (табл.13). Доля мнений, что фашистов в России нет или стало меньше, увеличилась с 32 до 49%, что «они есть и их стало больше» - сократилась вдвое (с 47-53% до 26%).

Таблица 13

Есть ли в России фашисты, и если да, за последние годы их стало больше или меньше? N=1600

	2004 август	2006 август	2018 август
Есть, стало больше	47	53	26
Есть, стало меньше	17	12	25
Нет	15	13	24
Затрудняюсь ответить	22	23	25

Отметим прежде всего слабое понимание того, что такое «фашизм», размытость представлений о том, кого следует понимать под «фашистами». Настоящий опрос показывает, что уходит сознание: фашизм – это определенные институциональные практики и идеологии расовой и национальной исключительности, национального и этнического превосходства, все сильнее акцент ставится на внешних признаках (табл. 15). При этом (вопреки диффузным и аморфным требованиям предоставления русским особых прав и преимуществ) большинством отрицается эта потенциальная особенность развития русского национализма. Фашисты – это преимущественно те, кто носят или использует фашистскую символику (для радикальной самодемонстрации или идентификации себя в таком качестве – 72%), кто исповедует расовую или национальную нетерпимость, но без привязки к собственно русским националистам (59%), в меньшей степени – те, кто рассуждает о превосходстве русских над прочими нациями (39%). Последних заметно меньше, чем отрицающих фашизодный характер таких утверждений.

Таблица 15

Можно ли считать фашистами тех, кто...?

(Ответы ранжированы по убыванию второму столбцу, 100% по строке)

	Определенно это фашисты + скорее это фашисты	Вряд ли это фашисты + определенно это не фашисты	Затруднились ответить	Разница определенных
Выступает под лозунгом «Россия для русских»	20	69	11	-49
Требует предоставления русским преимуществ как «государствообразующей» нации	24	59	17	-35
Рассуждает о превосходстве русских над прочими нациями	39	47	14	-8
исповедует расовую или национальную нетерпимость	59	28	14	+31
Использует фашистскую символику	72	19	9	+52

6.1 ПОДДЕРЖКА КСЕНОФОБСКИХ ЛОЗУНГОВ

В последние годы этнический (в том числе русский) национализм практически исчез из российской политической повестки и партийной борьбы. Однако его наследие в виде лозунгов «Россия для русских» и «Хватит кормить Кавказ» находит поддержку у населения и в настоящее время. Теоретические дискуссии о том, следует ли понимать одобрение данных лозунгов как проявление ксенофобии, или они в целом не противоречат идее добрососедства русского большинства с остальными этническими группами и меньшинствами, остаются за рамками данного отчета. Однако необходимо отметить, что анализ тех россиян, кто в рамках массовых опросов выражает симпатию подобным лозунгам, демонстрирует высокий уровень этнического изоляционизма, ощущения межнационального дискомфорта и мигрантофобии в их среде, чем в среде противников этих лозунгов или тех, кому они не интересны. Причем, чем выше степень поддержки, тем выше одобрение других ксенофобских мер и идей⁵.

Если обратиться к тому, как население понимает лозунг «Россия для русских», то можно увидеть, что каждый второй рассматривает его в первую очередь как государственную поддержку русской культуры и традиций. За ограничительные меры в отношении «нерусских» этнических групп выступает меньшее количество опрошенных. Вместе с тем понимание лозунга дифференцируется в зависимости от этнической принадлежности респондентов. Выборка данного исследования не дает возможности дифференцировать при анализе ответы людей с более или менее дробной этнической самоидентификацией. Поэтому в данном случае мы разделяем массив опрошенных на респондентов, относящихся к «русским», и тех, кто относится к другим этническим группам.

⁵ Пипия, К.Д. К пониманию одного ксенофобского лозунга: «Россия для русских» / К. Д. Пипия // Вестник общественного мнения. №3–4, 2017.

Таблица 16

Что, по-вашему, означает лозунг «Россия для русских»?

(респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать более одного ответа; ранжированы по убыванию по второму столбцу)

	2005 ноябрь	2018 август в целом по выборке	Этническая принадлежность	
			«Русские»	«Нерусские»
Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций	47	50	52	40
Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России	31	28	28	31
Административный контроль за действиями тех групп нерусских, которые выказывают враждебность ценностям и традициям русского народа	37	27	30	15
Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты	21	24	24	20
Выселение некоторых групп нерусских (например, кавказцев, китайцев и др.) с исконно русских территорий	31	22	22	21
Запрет для нерусских занимать наиболее ответственные должности в правительстве, парламенте, администрации президента, руководстве регионов	25	19	19	14
Другое	2	1	1	2
Затруднились ответить	10	12	10	18

Респонденты с «нерусской» этнической принадлежностью реже, чем русские, понимают под этим лозунгом государственную поддержку русской культуры и русских традиций (40% против 52%). Они также в два раза реже отмечают, что этот лозунг свидетельствует об административном контроле за действиями других этнических групп, которые выказывают «враждебность» ценностям и традициям русского народа (15% против 30%). Реже понимают под ним преимущества при занятии государственных и руководящих должностей, привилегии при поступлении в вузы (20% против 24%). Таким образом, нельзя однозначно рассматривать поддержку лозунга «Россия для русских» только как желание большей со стороны государства поддержки русской культуры, потому что более чем для трети респондентов она свидетельствует об этнической изоляции, дискриминации в сфере труда и образования, административном контроле «нерусских» этнических групп. (На это отчасти указывает избирательность со стороны полиции при досмотре в метро и на транспорте, так называемый «racial profiling», когда досматривают тех, кто этнически и визуально выделяется из большинства и рассматривается как потенциальный нарушитель общественного порядка).

Таблица 17

Поддерживаете ли вы лозунг «Хватит кормить Кавказ»?

	В среднем по выборке						Этническая принадлежность	
	2011 XI	2012 XI	2013 X	2014 VII	2017 I	2018 VII	«Русские»	«Нерусские»
Определенно поддерживаю	28	26	35	19	16	21	23	13
Скорее поддерживаю	34	39	36	33	28	24	26	14
Скорее не поддерживаю	18	17	15	23	25	26	26	25
Определенно не поддерживаю	6	6	3	10	15	18	14	39
Затруднились ответить	15	11	11	15	16	11	11	9
Число опрошенных	800	800	800	800	1600	1600		

Ранее мы указывали на снижение уровня поддержки лозунга «Россия для русских», которая в 2017 году достигла минимального значения за все годы замеров. Однако в 2018 году его поддержка стабилизировалась, вернувшись к более привычным значениям. Причем это произошло за счет роста числа тех опрошенных, кто выбирал самую радикальную форму согласия – «поддерживаю, её давно пора осуществить»: с 10% в 2017 году до 19% в 2018 году. На 12 п.п. сократилась доля россиян с безоценочным отношением – тех, кому эта проблематика не интересна, и тех, кто затруднился ответить на данный вопрос.

Рисунок 3

Уровень поддержки идеи «Россия для русских»

Динамики общественного мнения в отношении лозунга «Хватит кормить Кавказ», появившегося в ходе второй чеченской войны, более устойчива. За год его суммарная поддержка не изменилась: 44% в 2017 году против 45% в 2018 году. Отчасти это коррелирует с данными об этническом изоляционизме, в котором «выходцы с Кавказа» перестали доминировать как наиболее нежелательные этнические группы (в отличие от цыган, китайцев и пр., отношение к которым за год обострилось). Различия в поддержке этого лозунга между «русскими» и «нерусскими» этническими группами не исчезли – первые в два раза чаще демонстрируют суммарное одобрение – 49% против 27%. Однако в настоящее время негативный образ «выходцев с Кавказа» перестал быть фокусом этнической ксенофобии населения России.

На снижение актуальности радикальной националистической риторики указывает и распределение ответов на проективный вопрос о количестве русских, которые разделяют крайние националистические взгляды (его можно рассматривать как индикатор восприятия этнического национализма в качестве общественной проблемы). Если в период 2004–2011 годов преобладали мнения о том, что «русских националистов стало больше» в последние годы, то сейчас в целом по выборке оценки распределены практически равномерно. Это указывает на отсутствие сфор-

мированного массового мнения: 35% опрошенных считают, что «стало больше», 32% – «осталось прежним», 21% – что «стало меньше».

Интересно, что такая слабая поляризация мнений характерна как для респондентов с русской этнической принадлежностью, так и для тех, кто относит себя к другим этническим группам. Более того, «нерусские» участники исследования чаще указывают на снижение на 9 процентных пунктов доли националистов в обществе (то есть те, кто потенциально мог стать объектом подобных националистических групп, и по идее должен быть более чувствителен к восприятию подъема подобных националистических настроений в обществе). Напротив, «русские» респонденты чуть чаще отмечали рост числа русских, которые разделяют крайние националистические взгляды (на 6 процентных пунктов), хотя распределение мнений в обеих группах существенным образом не дифференцируется.

Таблица 18

Как вы думаете, число русских, которые разделяют крайние националистические взгляды, за последние годы стало больше или меньше, чем 5-6 лет назад?

	2004 XII	2005 XI	2006 XII	2011 VIII	2018 VIII	Этническая принадлежность	
						«Русские»	«Нерусские»
Стало больше	58	55	47	52	35	36	30
Стало меньше	8	8	10	14	21	20	29
Осталось прежним	20	24	25	21	32	32	27
Затруднились ответить	14	13	18	14	13	12	15
Число опрошенных	1600	1600	1600	800	1600		

Мотивация тех участников исследования, которые ощущают подъем русского национализма в обществе, аккумулируется вокруг поведенческого и экономического факторов. 43% из тех респондентов, кто указал на рост русского национализма, объясняют его «вызывающими действиями, поведением национальных меньшинств» и терактами, по сути рассматривая кажущийся подъем как вынужденный защитный механизм от «Других». Вторым по популярности мотивом стали «плохие условия жизни в России», который исследователи часто трактуют как ресентимент – перенос раздражения и недовольства на «Других» (в данном случае – этнически отличных), служащий причиной роста ксенофобии и национализма в обществе (на это указывала, например, Л. Гринфельд).

Таблица 19

Какова, на ваш взгляд, основная причина роста русского национализма в России в наши дни?

(в %% от тех респондентов, кто считает, что стало больше; респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать более одного ответа)

	2004 XII	2005 XI	2006 XII	2011 VIII	2018 VIII	Этническая принадлежность	
						«Русские»	«Нерусские»
Национальные предрассудки русского населения	3	4	5	5	11	10	16
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	20	22	30	44	32	33	24
Плохие условия жизни в России	24	23	30	21	29	29	27
Террористические акты последних лет	32	33	16	15	11	11	9
Власти слабы и не могут справиться со вспышками национализма	8	4	5	6	3	3	4
Власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании	8	5	8	4	7	7	6
Другое	<1	1	1	<1	2	1	3
Затруднились ответить	4	8	5	4	7	7	10
Число опрошенных	1600	1600	1600	800	1600		

Финансовое неблагополучие оказывает определенное влияние на формирование установок в сфере межэтнических отношений и национализма. На это указывает распределение ответов на вопрос о причинах подъема русского национализма в зависимости от самооценок респондентами своей жизненной ситуации, положения своей семьи.

Если среди опрошенных, которые довольны своим положением, или теми, кто готов терпеть трудности, доминирует защитное понимание национализма, то среди респондентов, которые признаются, что их «бедственное положение терпеть уже невозможно», практически каждый второй указывает на плохие условия жизни как причину роста националистических настроений. Несмотря на то, что прямую связь между экономическим фактором и ксенофобскими настроениями установить практически невозможно, напрашивается вывод о том, что до тех пор, пока население готово адаптироваться к трудностям, ксенофобия сдерживается, но как только наступает признание невозможности приспособиться к сложившимся условиям, формируется или активизируется ресентиментное сознание, начинается поиск «Другого», виноватого в сложившихся обстоятельствах. Например, суммарная поддержка лозунга «Хватит кормить Кавказ», который рассматривался ранее, в три раза выше среди самой неблагополучной группы респондентов, в сравнении с теми, кто ответил, что «все в полном порядке» (62% против 22% соответственно).

Таблица 20

Представление о причинах подъема русского национализма в зависимости от самооценок респондентами своего положения, положения своей семьи (%% от тех респондентов, кто считает, что стало больше) Август 2018, N = 1600

	Тип адаптации			
	Все в полном порядке	Все не так плохо, и можно жить	Жить трудно, но можно терпеть	Терпеть уже невозможно
Национальные предрассудки русского населения	25	15	6	10
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	29	34	33	24
Плохие условия жизни в России	4	27	27	46
Террористические акты последних лет	5	11	13	6
Власти слабы и не могут справиться со вспышками национализма	3	3	3	3
Власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании	9	4	9	5
Другое	4	–	1	4
Затруднились ответить	21	7	7	2

Каждый десятый участник опроса считает, что основная причина роста русского национализма – это «национальные предрассудки русского населения» (среди «русских» респондентов это мнение поддерживают 10% опрошенных, среди «нерусских» – 16%). Примечательно, что в российском общественном мнении слабо выражена связь национализма и политики властей, в отличие

от нынешней ситуации в США, где действия президента и его администрации часто критикуются за явную националистическую и популистскую риторику, провоцирующую рост ксенофобии среди населения.

7.1 «В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ УСТАВОМ НЕ ХОДЯТ»

Часто разграничение ксенофобии и расизма (который никогда не был актуальной проблемой в советской или постсоветской истории страны) проходит по двум основаниям. Первое – это понимание природы феномена: скорее, биологической у расизма и социально обусловленной у ксенофобии. Второе – степени институализации и, следовательно, территориальных, правовых и прочих ограничений, основанных на принципе расовой принадлежности. В случае с ксенофобией речь идет о массовых настроениях, как правило, не имеющих институциональной поддержки. Вместе с тем некоторые исследователи используют синтетический термин «культурный расизм», под которым понимаются установки, рассматривающие культурные и этнические характеристики и модели поведения как непреодолимые и не интегрируемые особенности тех или иных этнических и расовых групп, провоцирующие «большинство» на негативное отношение к их носителям.

Таблица 21

Готовы ли вы согласиться с мнением, что отрицательное отношение к приезжим из стран СНГ отчасти объясняется поведением самих приезжих? Август 2018, N = 1600

	2006 апрель	2007 апрель	2018 август
Определенно да	22	35	36
Скорее да	40	43	44
Скорее нет	22	11	9
Определенно нет	7	4	5
Затруднились ответить	9	7	6

Доля сторонников мнения, согласно которому отрицательное отношение к приезжим из стран СНГ отчасти объясняется поведением самих приезжих, за девять лет значительно не изменилась: 78% против 80%. Примечательно, что в период 2014–2016 годов отмечался реальный спад миграционного притока в Россию, но это не спровоцировало существенного улучшения в восприятии мигрантов. Стоит подчеркнуть, что между мигрантами и приезжими из стран СНГ давно поставлен знак равенства, чему немало способствовала как рациональная причина – доминирование «выходцев из Средней Азии» во внешней миграции в Россию, а также инкорпорирование подобных (этнически окрашенных) образов мигрантов в СМИ.

Таблица 22

Есть ли что-нибудь, что вас лично раздражает в приезжих из стран СНГ? Если есть, то, что именно?

(прекодификатор, множественный выбор; ранжировано по убыванию)

Август 2018, N = 1600

Они ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают обычаев нашей страны / наглые, бескультурные, грубые / со своим уставом в чужой монастырь лезут	41
Занимают рабочие места, соглашаются работать за мизерную оплату	22
Заполонили все рынки / рыночная мафия	20
Занимаются преступной деятельностью / хулиганят / теракты организуют	17
Враждебно относятся к русским / пристают к русским женщинам	15
Говорят на своем языке / не знают русского языка	1
Стало очень много приезжих / они везде / их присутствие здесь	1
Другое	2
Ничего не раздражает / нет такого / не сталкивалась / не знаю	11
Затруднились ответить	19

Особенности «поведения» лидируют и в списке возможных причин, по которым приезжие из стран СНГ раздражают население. Участники исследования должны были назвать их самостоятельно, а интервьюер зафиксировать в прекодификаторе, или внести то, что было названо, в категорию «Другое». Каждый десятый респондент сказал, что его «ничего не раздражает» в приезжих из СНГ, или он лично не сталкивался с ними, однако большинство опрошенных указали на одну и более причину.

Для 41% россиян самым раздражающим фактором стало развязное и наглое поведение приезжих, несоблюдение обычаев принимающей страны. Причем те респонденты, которые давали наиболее подробные ответы, указывали именно на личностные характеристики (наглость, заносчивость, высокомерность, грубость, злость), а не на коллективные особенности культуры или традиций. Представление о том, что принимающее население раздражает в большей степени общение на чужом языке кажется преувеличенным – в рамках опроса эту причину отметил только 1% опрошенных (что меньше значения статистической погрешности для подобных исследований). Вероятно, большинство россиян рассматривает приезжих как временных трудовых работников, поэтому обязательность знания русского языка на них не распространяется (в отличие от тех, кто претендует на гражданство – 87% россиян в 2012 году сказали, что владение русским языком обязательно для того, чтобы считаться гражданином страны).

На втором месте – представление о конкуренции с местным населением в сфере труда, демпинг оплаты труда из-за согласия мигрантов работать за более низкую зарплату. С этим мнением кор-

респондирует восприятие приезжих как узко специализированных работников рыночной сферы (каждый пятый респондент указал, что они «заполнили все рынки»).

17% отметили этническую преступность как фактор раздражения. Интересно, что данная причина является одной из самых излюбленных тем в СМИ, хотя по данным статистики МВД преступления, совершенные иностранными гражданами из СНГ за январь – июль 2018 года, составляют 3,3% от числа всех расследуемых преступлений в стране⁶, поэтому делать вывод о том, что в России у преступности «этническое лицо» некорректно.

На враждебное отношение к русским со стороны приезжих из СНГ указал каждый шестой участник исследования (17%). В эту же категорию попадали и те респонденты, кто отмечал приставания к «нашим» (русским) женщинам. Интересно, что причины, по которым приезжие вызывают раздражение у местного населения по их собственному признанию, во многом лишены собственно этнической проблематики, этнические термины («русские», «русских» и т.п.) редко встречались в ответах.

Несмотря на то, что сам вопрос анкеты не подразумевал высказывания позиции о желаемой политике в отношении приезжих из СНГ, некоторые респонденты, тем не менее, говорили о том, что «Надо ограничивать въезд», «Зачем приехали? Пусть живут в аулах», «Чтобы уехали» и т.п. Результаты другого общероссийского опроса в июле 2018 года по-прежнему свидетельствуют о преобладающей установке на изоляционизм, значительно уступающей благожелательному отношению к притоку трудовых мигрантов в Россию. В свою очередь экономисты не раз указывали, что подобная мигрантофобия затрудняет реализацию экономической политики России, заинтересованной в иностранной трудовой силе, которая, осознавая институциональную и настроенческую неблагоприятность принимающей страны и связанными с ними риски, может переориентироваться на рынок труда других государств⁷.

⁶ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - июль 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14070836/>

⁷ Коровкин В. Издержки недоверия: как ксенофобия вредит российской экономике. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/08/2018/5b852b969a7947326a35a622>

Таблица 23

Как вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России относительно трудовых мигрантов?

Июль 2018, N = 1600

	2017 июль	2018 июль
Ограничивать приток трудовых мигрантов	58	67
Способствовать притоку трудовых мигрантов	6	14
Мне все равно	30	17
Затруднились ответить	6	2

Респондентами практически не высказывались положительные характеристики приезжих. Максимумом «благожелательного» отношения к ним стала позиция – «ничего не раздражает», которую суммарно указали 11% респондентов. Только три человека из 1600 участников исследования охарактеризовали приезжих как «педантичных», «достойно ведут себя», «ведут себя нормально».

Поэтому понятно, что большинство опрошенных отличает пристрастный характер отношения к приезжим. Изменения в этом плане свидетельствуют об ослаблении чувствительности к дискриминации: в 2011 году доля согласных с тем, что полиция одинаково (что должно было бы означать как бы «объективно и беспристрастно») относиться ко всем, составляла 13%, в 2018 году – 25%, несогласных, исходящих из фактического положения дел на улицах, 61% и 44%, соответственно. Другими словами, оппортунизм большинства заставляет закрывать глаза на очевидные факты, если это определяется внутренними интересами людей. Преуменьшение дискриминации со стороны полиции вызвано конформизмом или же желанием вытеснить проблемы существующих напряжений.

Таблица 24

В какой мере вы согласны со утверждением «полиция обращается одинаково с людьми разных рас и национальностей»?

Август 2018, N = 1600

	2011	2018
Полностью согласен	1	9
Скорее согласен	12	16
В равной мере согласен и не согласен	22	21
Скорее не согласен	42	30
Полностью не согласен	19	14
Затрудняется ответить	4	10

8.1 БЫТОВАЯ КСЕНОФОБИЯ

Электоральные предпочтения населения и статистика по преступлениям на почве ксенофобии демонстрирует отсутствие политически и институционально оформленной ксенофобии в России, её крайней радикализации, приводящей к насилию. Однако ксенофобия на бытовом уровне, подразумевающая те или иные «исключающие» и дискриминирующие практики в повседневной жизни россиян, присутствует в общественном мнении. Респондентам задавался вопрос на изменение актуальности ксенофобских настроений в их повседневной жизни. Их спрашивали о том, встречаются ли им объявления о сдаче жилья или предложения о работе, в которых содержатся ограничения по национальному или религиозному признаку, а также о том, какие чувства у них вызывают подобные объявления.

В целом результаты опроса указывают на массовое распространение дискриминационных объявлений – они встречались 87% россиян. Из них 39% опрошенных высказали «позитивное» отношение к такой практике: 29% относятся к ним с «пониманием», а 10% одобряют подобные ограничения в сфере трудового найма и сдачи жилья. Противоположной позиции по поводу подобных объявлений придерживается каждый пятый респондент: у 11% они вызывают «недоумение», у 10% – «возмущение». Но 27% россиян признались, что это не вызывает у них «никаких особых чувств».

Рисунок 4

Отношение к дискриминационным объявлениям

(в % от всех опрошенных) Июль 2018, N = 1600

Бесспорно, такие объявления в большей степени привязаны к проблеме миграции, как внутренней (с Северного Кавказа в центр России), так и внешней (из среднеазиатских стран в Россию). Поэтому чем крупнее город, тем выше частота подобных объявлений, и доля тех опрошенных, кто «с пониманием» относится к такой ограничительной практике сдачи жилья и найма на работу. Напротив, в провинции и селах – куда не направлены основные миграционные потоки – жителям реже встречаются подобные объявления (или они реже обращают на них внимание), а отношение к такой дискриминации преимущественно безразличное. Лояльность к подобным ограничительным практикам сильнее выражена среди жителей Москвы, которые в силу масштабного миграционного потока в столицу более чувствительны к проблеме миграции, демонстрируя высокую поддержку рестриктивных мер в отношении мигрантов, по сравнению с жителями менее крупных населенных пунктов.

Таблица 24

«В общественных местах и на интернет-сайтах можно встретить объявления о сдаче жилья или предложения о работе, в которых содержатся ограничения по национальному или религиозному признаку, например, «сдам русской семье» или «Кавказ просьба не беспокоить». Какое чувство у вас лично вызывают подобные объявления?»

(распределение по типу населенного пункта)

	В целом по выборке	Размер населенного пункта				
		Москва	Города более 500 тыс.	Города от 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
Одобрение	10	19	12	8	7	11
Понимание	29	44	31	31	25	23
Недоумение	11	7	12	13	11	9
Возмущение	10	4	8	10	12	13
Никаких особых чувств	27	22	28	24	32	27
Не встречал(-а) подобные объявления	11	3	6	13	12	17
Затруднились ответить	2	3	3	1	1	1

Еще один способ определения уровня бытовой ксенофобии – проективные вопросы, погружающие респондентов в воображаемую ситуацию, в которой он должен делать свой выбор того иного варианта поведения. Отчасти этот принцип задействован и в известной шкале социальной дистанции Э. Богардуса.

Респондентам предлагалось пять ситуаций: наем няни своему ребенку, сдача в аренду своей квартиры, личная поездка в автобусе, совет другу, личная поездка в такси.

В каждой из них они могли бы взаимодействовать с темнокожим человеком или отказаться от подобного контакта в ущерб своим интересам (т.е. расовая неприязнь оказывается в таком случае выше личных интересов).

Рисунок 5

Скажите, пожалуйста, какое решение из двух возможных вы бы лично приняли в следующих ситуациях...

(респондентам предлагалась карточка; один ответ в каждой строке; сумма ответов «определенно первое» + «скорее первое и «скорее второе» + «определенно второе») N = 1600

Наиболее близкая (декларативная) социальная дистанция у россиян отмечается при контактах в транспорте. Практически две трети опрошенных готовы подсесть в автобусе к темнокожему человеку (69%) или сесть в такси к темнокожему водителю, возвращаясь домой поздно вечером (60%). То есть для большинства россиян своего рода биологический расизм, функционирующий на уровне физиологического неприятия (неприятность от возможного телесного контакта – сесть рядом, запах и т.п.) не характерен⁸. Напротив, самая длинная (расовая) дистанция отмечается в отношении детей: практически каждый второй участник опроса отдаст предпочтение русской, но низкоквалифицированной няне для своего ребенка вместо темнокожей няни с хорошей квалификацией (противоположного выбора придерживаются 34% опрошенных).

Доля россиян, готовых выразить поддержку своему другу / подруге в стремлении вступить в межрасовый брак, уже в два раза меньше – это готов сделать только каждый третий респондент в целом по выборке (39%). Ранее мы отмечали высокий уровень социальной дистанции в отношении этнических групп, делая вывод о сохраняющейся табуированности в общественном мнении межэтнических и межрасовых браков.

38% россиян готовы сдать свою квартиру темнокожей паре (против 45% тех опрошенных, кто готов сдать русской паре, но за меньшую стоимость, т.е. в ущерб личной выгоде). Среди жителей Москвы, где рынок сдачи и аренды жилья наиболее развит, готовность сдавать «своим» в полтора раза выше, чем в целом по выборке – 64% опрошенных москвичей сдали бы квартиру русской паре.

14% из всех участников исследования во всех пяти ситуациях вступили бы в контакт с темнокожим человеком. Напротив, 12% опрошенных в целом по выборке отказались от контакта, даже если подобная дистанция наносит ущерб их финансовым или прочим интересам. Получается, что доля условных бытовых расистов в выборке составила десятую часть от всех опрошенных. Однако и по данным других исследований Левада-Центра, доля тех респондентов, кто поддерживает, например, этническую изоляцию в отношении всех этнических групп, также составляет порядка 8–10%. То есть в российском обществе существуют устойчивые 10% граждан, наиболее негативно настроенных к иноэтничным и инорасовым группам.

Обращение к возрастным различиям в ситуациях возможного расового контакта демонстрирует более близкую социальную дистанцию у молодежи, и более высокую дистанцированность от расовых контактов у респондентов старшего возраста. Среди самой молодой возрастной когорты 18–24 лет готовность к расовому контакту в самых тесных (проективных) ситуациях брака и найма няни для своего ребенка выше, чем отказ от темнокожего партнера в пользу русского (соотношение 1.5:1). Исследования в других европейских странах также демонстрируют более высокий уровень этнической (расовой) толерантности в среде молодежи, которая положительно воспринимает этническое разнообразие, в отличие от пожилых возрастных когорт.

⁸ Хотя история недавнего прошлого в США доказывает, что такое неприятие на физиологическом уровне имело место быть. Вспомним хотя бы существование отдельных туалетов для «белых» и «черных».

Благожелательность к межрасовым бракам более выражена и в группе респондентов с высшим образованием, где практически каждый второй поддержал бы своего друга в стремлении вступить в брак с партнером другой расы, и, напротив, каждый третий опрошенный попробовал бы отговорить его от подобного союза. В других образовательных группах это распределение перевёрнуто: половина опрошенных «против» межрасового брака, треть – «за».

Таблица 25

Предпочтение «своего» или инорасового партнёра в зависимости от возраста и уровня образования респондентов

	В целом по выборке	Возраст				Образование			
		18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 +	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Наняли темнокожую няню	34	43	41	34	25	39	33	32	26
Наняли русскую няню	47	39	43	46	54	46	49	45	55
Нет ответа	19	18	16	20	21	16	18	23	19
Сдали темнокожей семье	38	44	45	39	30	43	37	35	31
Сдали русской семье	45	41	39	44	51	41	44	49	54
Нет ответа	17	15	17	16	19	16	19	16	15
Подсели к темнокожему	69	68	72	71	66	73	70	66	59
Искали другое место	20	19	18	20	23	18	19	22	33
Нет ответа	10	13	10	9	11	9	11	12	7
Поддержали расовый брак	39	47	47	39	31	44	38	37	36
Против расового брака	42	32	33	43	51	37	43	44	49
Нет ответа	19	21	20	18	18	19	19	19	15
Сели к темнокожему водителю	59	64	65	59	53	63	60	56	50
Вызвали другого водителя	29	24	23	30	34	28	28	29	37
Нет ответа	12	12	12	12	13	9	13	15	13

Если в ситуации расового контакта на транспорте между «русскими» и «нерусскими» участниками исследования практически нет различий, то выбор в пользу русской няни, русского арендодателя и русского брачного партнера более выражен среди «русских» респондентов.

9.1 ВЛИЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ НА УРОВЕНЬ КСЕНОФОБИИ

Говоря в общем и целом, ксенофобия в содержательном плане представляет собой осадочные слои давних идеологических воззрений, племенных стереотипов, предрассудков, архаических мифов, фобий или идеальных ориентиров, смешанных между собой, спрессованных в трудно различимую массу представлений об «других», «чужих», вызывающих страх, подозрения или зависть и скрытое восхищение. Большая часть этих этнонациональных, политических или религиозных установок возникла очень давно (за горизонтом не только настоящего времени, но и многих поколений назад, в далеком прошлом). Специальный анализ показал бы их связь с разными фазами российской модернизации и интересами прежних элит и партийных групп, вступавших в конкуренцию за влияние, или следы имперской колонизации конца XIX века - первой половины XX века, втягивание в общее пространство ментальных образов тех или иных актуальных для советской пропаганды и политики индустриализации положений. Но эта задача выходит за рамки нашего отчета. Именно потому, что эти представления не являются реакциями на события текущего времени, они сохраняются и воспроизводятся в социальной среде, которая лишена средств социальной рефлексии и сознательной проработки этих представлений. В этой повседневной среде этнические представления чаще всего передаются некритически, суггестивно, будучи включенными в состав первичной социализации и раннего формирования представлений об окружающих и самих себе. Чем более рутинны и традиционны эти группы (как правило, с невысоким уровнем образования, занятые трудом, не требующем специального образования и интеллектуальных навыков), тем более устойчивы оказываются сами подобные предрассудки. В первую очередь они играют роль негативных образов, отталкиваясь от которых «группы» устанавливаются позитивные представления о самих себе, своих достоинствах и барьеров по отношению к чужим группам и общностям, то есть средством выражения (негативной идентичности) собственной идентичности.

Но это не значит, что такого рода этнические образы, предрассудки и предубеждения по отношению к любым «чужим», «другим», не-нашим остаются всегда одними и теми же. Под влиянием пропаганды, техник политического манипулирования, административного принуждения, контроля над средствами информации можно добиться акцентирования одних черт этнических представлений и подавления других, педалирования угроз и опасностей, исходящих от одних «иностранцев» или «иногородцев» и, напротив, повышения симпатии к другим. Так, на протяжении последних 5 лет мы видим резкое усиление неприязни и враждебности к украинцам, которые всегда в России воспринимались как свои и близкие русским, почти как один народ или народ, имеющий одни корни с русскими и белорусами, и, напротив, повышение симпатии к китайцам (или, точнее – редукцию прежней враждебности, подозрительности и антипатии)⁹. В какой-то степени, тоже самое можно зафиксировать и в отношении чеченцев, бывших во второй половине 90-х годов объектом особой неприязни и страхов.

⁹ Китай в этом плане вышел на второе место в качестве дружеской, союзнической или партнерской страны. См. пресс-релиз «Друзья и враги России». URL: <https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>

Поэтому правильнее говорить о том, что меняется не структура ксенофобии, а интенсивность ее выражения под действием тех или иных институтов (политических, масскоммуникативных, пропагандистских, религиозных, образовательных и т.п.).

Анализируя зависимость наиболее значимых для респондентов источников информации и выражения ксенофобских или расистских взглядов, можно установить следующую закономерность: сильнее всего прослеживается взаимосвязь между слушателями различных радиостанций и уровнем ксенофобии; на втором месте – интернет-издания (информационные порталы, сайты и т.п.), на третьем четвертом месте – соответственно «социальные сети» и межличностные сети отношений (друзья, родственники, коллеги по работе, соседи и т.п.). Телевидение, вопреки ожиданиям, не выделяется здесь сколько-нибудь значимым образом – телевизионная аудитория (как целое) характеризуется средними показателями ксенофобии и расизма. Возможное объяснение этому: во-первых, гигантский охват телевидением, приводящий к усреднению ответов телезрителей (его смотрят от 67% взрослых в Москве до 76-77% в провинции, в малых городах и селе, где часто один (реже два) из федеральных канала ТВ оказывается единственным средством массовой коммуникации, где затрагиваются вопросы общезначимого порядка); во-вторых, наши вопросы не позволяют в данном случае дифференцировать аудитории различных ТВ-каналов и передач, а они по степени нетерпимости, ксенофобии и демагогии по национальным вопросам могут различаться самым радикальным образом; так, например, «Царьград» или «Территория заблуждений» кардинально отличается от передач канала «Культура» или даже «Спас».

Можно выдвинуть следующее предположение, объясняющее такое распределение ксенофобских установок и предпочтения, отдаваемые тем или иным информационным каналам и источником ксенофобских (расовых, антисемитских) сведений об окружающей действительности. И радио, и интернет (но не социальные сети) гораздо менее подлежат цензурному контролю и ограничениям. Множество мелких и местных радиостанций ведут прямой эфир и интерактивные передачи, где люди с пониженным самоконтролем и невысокой гражданской культурой толерантности получают доступ к прямому эфиру и открытым высказываниям (пусть и коротким). На многих сайтах, даже общероссийских газет или интернет-порталах, есть разделы комментариев, которые притягивают людей ущемленных, закомплексованных и агрессивных, для которых это оказывается единственной возможностью публичного высказывания. Здесь воспроизводится характерный для неформального общения среди «своих» уровень недопустимой ни в каких других обстоятельствах неконтролируемой агрессии, ксенофобии, рессантимента зашкаливает. Крайне редко в таких сегментах медиакоммуникации бывают сдержанные и обоснованные суждения и взвешенные аргументы и соображения, чаще – это выплеск воспаленного сознания, несдерживаемой ничем агрессии и ненависти. По составу (не по степени эмоциональности и грубости) это ничем не отличается от уровня бытовой или обиходной ментальности и ксенофобии, характерной для «друзей, соседей и т.п.».

Таблица 26

Негативизм, проявляемый в отношении людей разной этнической и расовой принадлежности в зависимости от постоянного пользования соответствующим источником информации

Август 2018, N = 1600

Источники информации	Цыганам	Чеченцам	Темнокожим	Узбекам	Евреям	Англичанам	Сумма негативных ответов (по каналу)
Радио	54	41	25	25	12	14	171
Друзья и проч.	50	39	26	28	10	12	165
Интернет	45	29	17	25	9	12	137
Телевидение	46	28	17	19	10	17	137
Газеты	40	18	20	22	10	24	134
Социальные сети	45	28	14	24	10	11	132
Журналы	36	20	13	19	6	16	110
Затруднились назвать канал или источник	47	18	28	20	17	14	144
Сумма негативных ответов (по отношению к этническим группам)	363	221	160	182	84	120	***

10.1 ДОВЕРИЕ

Социальное доверие выступает одним из базовых социологических индикаторов, которые могут определять установки и поведение людей. Применительно к изучению ксенофобских настроений можно предположить, что высокий уровень «доверия окружающим людям» (стандартный измеритель радиуса социального доверия и социального капитала в международных исследованиях) в значительной степени смягчает неприязнь в отношении «Другого» и, наоборот (на проблему снижения доверия в принимающем обществе в связи с притоком мигрантов указывал, например, П. Коллиер¹⁰). Если обратиться к результатам опроса, то можно проследить, что респонденты с низким уровнем межличностного доверия (которые считают, что осторожность в отношениях с другими людьми не мешает или вовсе не доверяют окружающим) чаще поддерживают институциональные ограничения в отношении других («нерусских») этнических групп, чем участники исследования, которые, скорее, доверяют окружающим их людям.

¹⁰ Коллиер П. «Исход: как миграция изменяет наш мир». М., 2016. 384 с.

Рисунок 6

Уровень межличностного доверия и поддержка институциональных ограничений

Каждый второй «не доверяющий» респондент поддерживает мнение, согласно которому следует принимать во внимание национальность человека при занятии государственных должностей (против каждого третьего среди «доверяющих»), по сути выступая за возвращение «пятого пункта». Опрошенные с низким уровнем межличностного доверия также чаще отмечают, что нужно учитывать национальность при приеме на работу в органы госбезопасности (47% против 35%), предоставлять преимущества русским кандидатам при занятии государственных должностей (48% против 40%) и соглашались с мнением о том, что «национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране» (35% против 28%). Нельзя сделать вывод о том, что высокий уровень межличностного доверия делает человека более толерантным в отношении этнических и прочих меньшинств, но он в значительной мере нейтрализует его отношение к ним, не поляризуя восприятие в сторону только негативных или позитивных образов. В рамках исследования «доверяющие» респонденты чаще оценивали свое отношение к цыганам и чеченцам как «спокойное, без особых чувств», чем опрошенные, которые не доверяют окружающим их людям.

11.1 ТИПОЛОГИЯ МАССОВЫХ КСЕНОФОБСКИХ УСТАНОВОК

Результаты настоящего, как и предшествующих исследований ксенофобии, антисемитизма и расизма в СССР и России, позволяют аналитически выделить ряд социальных типов ксенофобов или значимых для проблематики изучения и профилактики ксенофобии массовых установок. Для нас ключевыми будут два критерия: функция данного вида ксенофобии и распространенность его в общей массе населения. Типология построена по принципу ядра, его ближней и дальней оболочки и аморфной, диффузной периферии со слабой интенсивностью негативистских реакций.

1. Ядро ксенофобов составляют 7-8% взрослого населения. Оно может увеличиваться до 15-18 или даже 20% в периоды острых социальных кризисов, но затем спадает до относительного минимума. Как правило, разрастание ядра достигает своего максимума уже после прохождения пика кризиса, с некоторой временной задержкой относительно апогея кризисной напряженности. Важно подчеркнуть, что «ядро» ксенофобов сочетает в себя все виды негативных реакций по отношению к любым «чужим» - не только неприязнь, доходящую до вербальной агрессии, к различным этническим и национальным общностям, к представителям других рас, но и к мигрантам, к людям, не разделяющим профессиональные взгляды РПЦ (а также - радикального ислама) – к католикам, протестантам, баптистам, «Свидетелям Иеговы», иудаистам и т.п., представителям художественного авангарда, контр- или альтернативной культуры, сторонникам сообщества ЛГБТ и т.п., а также к политическим противникам авторитарного режима: либералам-западникам, демократам, иногда – к коммунистам и т.п. Респондентов, причисляемых к «ядру», сочетающего антисемитские, расистские и ксенофобские взгляды, отличает повышенная склонность и готовность к агрессии, чувство ущемленности и обделенности, «комплекс жертвы», сознание, что их жизненные обстоятельства определяются не ими самими, а внешними силами. Уровень образования носителей этих убеждения – средний (как правило, это люди со средним специальным образованием), но среди них можно указать и на маргиналов-шовинистов с более высоким уровнем образования, способных довести эту смесь негативистских представлений до более или менее оформленных идеологий (русского традиционализма или антилиберального православного национализма) с упором на центральную роль государства, Великой державы, империи, армии и т.п. По своим убеждениям – это догматически мыслящие националисты (самого разного толка), недавно «уверовавшие» и причастившиеся к одной из традиционных конфессий, а потому наделяющие себя особым чувством превосходства над остальными. Чрезвычайно важным моментом у таких респондентов оказывается упор на необходимости жестких авторитарных, силовых, репрессивных методов при проведении политики в отношении ко всем, кто объявляется «чужим» для большинства, «врагом», несущим угрозу традиционным ценностям «большинства». Именно из этой среды вербуются активисты для радикальных националистических организаций, готовых к «активным дей-

ствиям», в том числе – к погромам, участию в парамилитарных объединениях, типа SERB, «Офицеры России», казачьи дружины или православные хоругвеносцы и им подобные молодежные группировки (футбольные фанаты, наследники скинхедов, русских фашистов и проч.).

2. Следует учесть, что потенциально агрессивное ксенофобско-расистское ядро не состоит только из русских, сюда же можно включить и других «националистов» из числа этнонациональных меньшинств (татар, якутов, чеченцев и других).
3. Следующий тип «сочувствующих» радикальным ксенофобом представляет собой довольно пассивную среду поддержки националистов и согласия с взглядами радикального «ядра», однако эти люди не готовы к каким-то открытым общественным выступлениям, они перекладывают ответственность за критическое или «неудовлетворительное», с их точки зрения, положение дел в стране на государство и склонны одобрять и поддерживать жесткие административные меры против мигрантов, иноверцев, гарантии обеспечения преимуществ или привилегий для русских при доступе к социально значимым благам и позициям (приоритетность для русских медицинского обслуживания, доступа к образованию, ограничению при приеме на работу в государственные органы управления, полиции, армии, СМИ и пропаганды и т.п.). Параметры этого типа довольно эластичны и зависят от общественно-политической ситуации и экономического положения в стране. Можно оценить распространенность подобного типа установок в 20-30% от населения России.
4. Третий тип – «защитной или компенсаторной» ксенофобии, выявляемый в социологических исследованиях, представляет собой совершенно иные по функции реакции населения. Его можно назвать «племенной» или «трайбалистской» ксенофобией, когда предрассудки и предубеждения против «несвоих», «чужих» являются условием поддержания и выражения собственной групповой идентичности; без отнесения к чужим не могут быть выражены особенности и достоинства своей общности и группы. Это самые аморфные и примитивные по характеру и семантике, составу представления о «чужих», воспроизводящиеся в виде анекдотов, нерационализируемых предрассудков и стереотипов о воображаемых других, с которыми эти люди никогда не имели дела в реальности. Абсолютное большинство населения России никогда в жизни не встречали англичанина, чеченца, китайца или еврея; они знают о них и их культуре только из опосредованных источников – рассказов бывалых людей («быличек», из третьих рук), СМИ и т.п. Это наиболее широкий круг носителей потенциальных или спящих антисемитских, расовых или ксенофобских установок. Как говорили в ходе интервью респонденты, «у нас таких нет», поэтому отношение к ним «спокойное, безразличное, как ко всем другим нациям». Другими словами, выражение подобных рутинных ксенофобских, негативных, или на первый взгляд дискриминационных, оскорбительных, установок не связано ни с какими социальными интересами, поэтому такого рода представления оказываются нейтральными и не могут быть активированы в ходе каких-то

общественных кампаний по мобилизации «своих» против «чужих» или внешних «врагов». Зона действия подобных представлений может охватывать две трети населения.

5. Следует учесть, что эмпирических четких границ между разными типами носителей ксенофобских взглядов и убеждений провести нельзя, поскольку второй и третий тип наслаиваются, частично пересекаются или при некоторых обстоятельствах могут сочетаться, образуя – в случае агрессивной пропаганды и мобилизации со стороны государства и подчиненных ему СМИ, партий и общественных организаций – временные агломерации возбужденных социальных контингентов. Так, например, до середины 2000-х годов мы не фиксировали сколько-нибудь заметной враждебности по отношению к украинцам (а еще раньше, скажем, до 1993 года - к чеченцам как особым этнически выделенным категориям населения), но после 2013 года – мы наблюдали резкий и постоянный рост неприязни в сочетании с враждебностью к украинцам.
6. Устойчивым иммунитетом против ксенофобии, антисемитизма и расизма характеризуется лишь относительно небольшая часть российского населения – от 15 до 20%. Это наиболее образованная, либеральная часть российского общества с твердыми гуманистическими и правовыми убеждениями, преимущественно – жители столиц и крупнейших городов.

2. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. За время, прошедшее после распада СССР, уровень диффузной массовой ксенофобии существенно поднялся. Последний всплеск этнонациональной напряженности приходится на 2013 год, после которой в результате конфронтации с Западом и гибридной войны на Украине общая «внутренняя» ксенофобия несколько снизилась и изменила свою структуру: антикавказские установки уступили свое первое место антицыганским, антимигрантским (в особенности по отношению к приезжим, временным работникам из Средней Азии), расистским (по отношению к неграм, китайцам и другим), сузившись до умеренно выраженных античеченских настроений. Новым явлениям стал рост антиукраинских предрассудков и предубеждений, чего не было за весь период социологических наблюдений и исследований. Отчасти это объясняется уходом из повседневной повестки отношений с приезжими из Закавказья (азербайджанцев, грузин и в меньшей степени – армян). Антисемитизм остается на низком уровне.
2. Условно можно выделить несколько типов ксенофобских и антиксенофобских форм массового сознания. Ядро ксенофобов составляют от 8% до 15% взрослого населения, увеличиваясь до 20% в периоды острых социальных кризисов, но затем спадая до относительного минимума. Респондентов, причисляемых к «ядру», сочетающего антисемитские, расистские и ксенофобские взгляды, отличает повышенная склонность и готовность к агрессии, чувство ущемленности и обделенности, «комплекс жертвы», сознание, что их жизненные обстоятельства определяются не ими самими, а внешними силами. Потенциально агрессивное ксенофобско-расистское ядро не состоит только из русских, сюда же можно включить и других «националистов» из числа этнонациональных меньшинств.
3. Ядро ксенофобски настроенных обывателей окружает гораздо более пассивная среда «сочувствующих» радикальным ксенофобам и националистам разных знамен (русских, нерусских – «титовых» или «коренных» народов), разделяющих их основные идеи и лозунги, но не готовых к прямым общественным действиям или выступлениям в поддержку активистов-радикалов. Они перекладывают ответственность за критическое или «неудовлетворительное», с их точки зрения, положение дел в стране на государство. Поэтому они ожидают и готовы одобрять и поддерживать жесткие административные меры против мигрантов, иноверцев, любых «чужих», требуя гарантий обеспечения преимуществ или привилегий для русских при доступе к социально значимым благам и позициям (сюда входят не только приоритетность для русских медицинского обслуживания, доступа к образованию, установление ограничений для «чужих» при приеме на работу в государственные органы управления, полиции, армии, СМИ и пропаганды и т.п.). Параметры этого типа довольно эластичны и зависят от общественно-политической ситуации и экономического положения в стране. Но в любом случае распространенность подобного типа установок о оценить в 20-30% от населения России.

4. Третий тип ксенофобии представляет собой пласт рутинных бытовых представлений о других, чужих, инородцах, которые не направлены непосредственно против других этнических общностей или народов. Это довольно аморфная смесь представлений об окружающих этническую группу народах, отложившихся в фольклорных, традиционных представлениях, анекдотах, рассказах, служащих в первую очередь условием собственной идентификации (через отталкивания от образов чужих, других, «не таких как мы»).
5. В целом, состояние массовой ксенофобии можно оценить как «спящую агрессивность», которая может перейти в открытые выражения этнической или национальной враждебности и агрессии только при условии, если будет иметь место государственная мобилизация и пропаганда, то есть сознательно инициированная и последовательно проводимая политика направляемой агрессии против определенных этнических групп (как это было, например, против грузин после войны 2008 года, или чеченцев во время первой и второй чеченской войны, против латышей или эстонцев во время кратковременных пропагандистских кампаний). Но даже в этом случае провоцирование ксенофобских акций против отдельных этнонациональных групп невозможно без работы организованных групп и движений, скрыто стимулируемых ведомствами. Политика властей сводится как к постоянному контролю радикально настроенных националистических групп и организаций (вплоть до полного разгрома, как это было в отношении различных мелких группировок русских крайне правых), так и негласной поддержке лояльных к власти групп (казачьих формирований, SERB, Антимайдана, «Офицеров России», православных объединений разной степени экстремизма). Несмотря на постоянный мониторинг, контроль и давление властей на различные националистические организации (как русских, так и исламских организаций), ядро ксенофобских, расовых, антисемитских и националистических представлений воспроизводится, что создает условия при некоторых обстоятельствах для быстрого разворачивания тех или иных ксенофобских кампаний, если в них включаются государственные СМИ, общественно-политические организации и поддерживаемые властями ГОНГО.
6. За последние 25 лет мы наблюдаем эрозию первоначально вполне определенной и значимой группы россиян, выступающей против любых форм этнонациональной дискриминации, с лозунгами толерантности, мультикультурализма, сопротивления против открытого выражения радикалами этнической или этноконфессиональной агрессии и враждебности, неприязни. Если еще в середине 1990-х годов иммунитет против таких проявлений был характерен для более половины населения России, то сегодня его признаки можно обнаружить лишь у 28 – 30% взрослого населения.

3. РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Эффективная политика по противодействию массовой ксенофобии, антисемитизма и расизма предполагает дифференцированное отношение к разным формам этнического негативизма и неприязни. Как уже было отмечено выше, бессмысленно пытаться устранить и искоренить в обществе ксенофобию и расизм как таковые, это невозможно; вопрос может стоять только о необходимости регулирования особо опасных форм их проявлений и оценки пригодности для этого имеющихся средств, с одной стороны, и разумную работу по просвещению и социализации молодежи к более толерантным формам социальной жизни, с другой, надеясь на умеренный успех в будущем.
2. В этом плане эффективная политика может вестись только с использованием базовых социальных институтов: СМИ и формирования общественного мнения (успешный опыт здесь есть в других странах – в Европе и США), правоохранительных органов и суда под непрерывным контролем опять же общественного мнения, а также- постоянная деятельность общественных организаций, следящих за подобными нарушениями и эксцессами. Полиция и суд должны быть в состоянии пресекать и подвергать законным санкциям без исключения проявления ксенофобии и расизма на всех уровнях социальной иерархии. Сегодня этого не происходит в полном объеме, поскольку сама полиция выступает одним из главных факторов этнонационального насилия. Политики же вообще освобождены от ответственности за соответствующие заявления и действия, носящие часто оскорбительный по отношению к тем или иным этническим или религиозным группам характер.
3. Долгосрочная стратегия должна ориентироваться на молодежь (причем с акцентом на те группы, которые обладают большими культурными и социальными ресурсами и капиталом). Только здесь может быть эффективной политика просвещения, которая должна строиться на расширения знания о других народах и нациях, этнических общностях, их проблемах и ценностях, способствуя формированию социального воображения и чувству эмпатии. Здесь и только здесь может быть полезным изложение исторического опыта взаимодействия народов, ознакомление молодежи с разными образцами национальной политики и т.п. вещами. В отношении других групп такая работа будет бесперспективной. Важно лишь осознавать, что массовая школа в данном случае не будет давать возможностей для подобной работы, поскольку она реагирует только на внутриведомственные императивы и указания. Нужны образцы поведения и отношения к людям другого цвета кожи или формы глаз, которые бы задавали авторитетные или значимые для молодежи фигуры в сфере массовой культуры.

4. Другая часть подобной работы предполагает регулярный и систематический мониторинг проявлений диффузной и разлитой ксенофобии (не только в обществе или точнее – среди населения, но и в СМИ, в массовой культуре – кино, литературе, публицистике, эстраде и т.п.), ее динамики, а не только мониторинг националистического и расового экстремизма, нападения на представителей этнических меньшинств, погромов или публикаций в СМИ и интернете, в социальных сетях материалов, провоцирующих агрессию. Поток расовых и этнических стереотипов, имперских предрассудков, националистических представлений идет непрерывно по каналам ТВ и интернета, он настолько постоянен, что не воспринимается как нечто чрезвычайное и недопустимое. Важен фактор длительного, непрекращающегося принуждения к соблюдению норм цивилизованного взаимодействия, а не проповедь хороших манер и осуждение людей, вроде Жириновского или Толстого.
5. Никакие призывы к толерантности, сдержанности и «дружбе народов» сегодня не работают, поскольку воспринимаются как пустопорожняя риторика.
6. Остается актуальным вопрос о формировании позитивного общественного мнения относительно национально-гражданской идентичности (общероссийской) со стороны государства и общественных организаций. Именно чувство позитивной сопричастности, ответственности и консолидации со страной и её гражданам (реальной, а не декларируемой), вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности, может сдерживать подъем ксенофобии, но для этого население должно понимать основы подобной консолидации и её государственных символов (праздников и пр.), отвечая без затруднений на вопрос о том, «кто такие россияне».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации / Гудков, Л. Д. [в др.] // Вестник общественного мнения. № 1–2, 2016. С. 140–197.
2. Гудков, Л. Д., Бочарова, О.А. Иерархия этнических установок населения. // ИБМ, 1994, N. 1, с.17-19.
3. Гудков, Л. Д. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.). // ИБМ, 1995, N 2, с.23-27. \\. Перевод: Dynamics of Ethnic Stereotypes: A comparison of 1989 and 1994 Measurements. // Sociological research. Armonk, NY, 1996, January-February, vol. 35, N.1, p.43-54.
4. Гудков, Л. Д. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров. // ИБМ, 1995, N 3, с.14-16.
5. Гудков, Л. Д. Этнические фобии в структуре национальной идентификации. // ИБМ, 1996, N.5, с.22-27. = перевод: Ethnic Phobias in the Structure of National Identification. // Sociological research. Armonk, NY, 1997, July-August, vol.36, N.4, p.60-74
6. Гудков, Л. Д. Антисемитизм в постсоветской России/ Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., Московский центр Карнеги, 1999, с.44-98.
7. Гудков, Л. Д. Динамика ксенофобии в постсоветской России. / Вестник Института Кеннана в России. Вып.1, 2002, с.49-61.
8. Гудков, Л. Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения, 2005, №6 (80), с.60-76.
9. Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. Своеобразие русского национализма // Pro et contra, 2005, сентябрь-октябрь.
10. Гудков, Л. Д. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // НГ, №282 (3678), с.10, от 26.12.2005. Режим доступа: http://www.ng.ru/printed/ideas/2005-12-26/10_xenophobia.html, свободный.
11. Гудков, Л. Д. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли мигранты российскому обществу? М., Фонд «либеральная миссия», 2006, с.31-78.
12. Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. Невозможный национализм: Риторика номенклатуры и ксенофобия масс // (Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007, с.276-310. Сост. М. Ларюэль.
13. Гудков, Л. Д. Russian Nationalism and Xenophobia // Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability. Ph.Casula and J.Perovic (eds). (Soviet and Postsoviet politics and society. Ed by A.Umland). Ibidem-Verlag, Stuttgart, 2009, p.158-175.
14. Коллиер, П. Исход: как миграция изменяет наш мир / Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с., М., 2016. 384 с.
15. Коровкин В. Издержки недоверия: как ксенофобия вредит российской экономике [Электронный ресурс] /В. Коровкин// РБК. - 2018. – 28 августа – Режим доступа : <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/08/2018/5b852b969a7947326a35a622>, свободный. – Загл. с экрана.
16. Министерство внутренних дел РФ: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь [Электронный ресурс] - июль 2018 года. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/14070836/>, свободный. – Загл. с экрана.
17. Общественное мнение. Данные. Анализ. Дискуссии / под ред. Л. Гудкова, Н. Зоркой. – М.: Интерцентр, 2018 - 240 с.
18. Пипия, К.Д. К пониманию одного ксенофобского лозунга: «Россия для русских» / К.Д. Пипия // Вестник общественного мнения. №3–4, 2017. С. 159–170.

**Российский
Еврейский
Конгресс**

**БУДЕМ РАДЫ ОТВЕТИТЬ
НА ЛЮБЫЕ ВАШИ ВОПРОСЫ:**

**+7 495 780 4978
INFO@RJC.RU**